

ЦЕЛУЙ
НОЧНОГО
ПЛАМЕНИ

АНАСТАСИЯ ДЕС

Анастасия Дес

Поцелуй ночного пламени

<https://litres.ru/73993159>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пока в Темнолесье исчезают люди, а над Серебряным Городом сгущается древняя тьма, между ними вспыхивает связь, похожая на проклятие. Каждый его взгляд обжигает, каждое прикосновение стирает границы между ненавистью и желанием, а каждый поцелуй становится шагом к гибели. Их тянет друг к другу с той силой, что способна разрушить не только сердце, но и целый мир.

Содержание

Пролог. Сон из ночного пламени	4
Глава 1. Тень на краю леса	6
Глава 2. Белый Город, чёрная кровь	16
Глава 3. Пепел на мостовой	23
Глава 4. Сердце леса	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Поцелуй ночного пламени

Пролог. Сон из ночного пламени

Элиарта

Сначала были только простыни.

Тёплые, смятые, пахнущие дымом и чем-то тёмным, горьковатым, как ночное вино. Я лежала на спине и смотрела в полумрак, не понимая, где нахожусь. Надо мной качался деревянный потолок, по стенам ползли блики огня, а рядом – слишком близко, слишком горячо – дышал мужчина.

Тяжесть его тела, жар, исходящий от кожи, и этот дурманящий запах – смесь мускуса, старой кожи и чего-то острого, как предчувствие грозы. Кайран навис надо мной, и я видела, как капля пота скатилась по его виску, прежде чем он накрыл мои губы поцелуем. В нём не было просьбы – только жадная, почти хищная уверенность, от которой у меня сбилось дыхание.

Он потянул вверх подол моей сорочки, и прохладный воздух лишь на миг коснулся кожи, прежде чем его горячая ладонь скользнула по бедру – медленно, дразняще, будто заранее зная, как легко я отзовусь на это прикосновение. – Смотри на меня, Эли, – прохрипел он, и низкий голос прокатился по мне горячей дрожью.

Он прижал мои руки к подушке над головой, не давая от-

вернуться, и, когда между нами уже не осталось расстояния, из груди у меня вырвался сорванный вздох. В этом было всё сразу: почти болезненная острота ожидания, жар, от которого темнело в глазах, и сладкое чувство, когда уже поздно притворяться, будто можно остаться прежней.

Сначала он двигался медленно, будто пробуя эту близость на вкус, потом всё увереннее, всё неумолимее. Кровать тихо скрипела в такт, его дыхание сбивалось у самого моего лица, а у меня внутри нарастала тугая, ослепительная волна, в которой растворялись и мысль, и стыд, и страх.

Когда она накрыла меня с головой, я лишь вцепилась в его плечи, будто мир в самом деле держался на них. Кайран замер на миг, уткнувшись лбом мне в шею, и мы оба остались лежать в огненном полумраке, пытаясь снова поймать дыхание и не думать, что всё это было только сном.

Я сидела, прижав ладонь к губам, и не сразу поняла, что стук идёт не из груди, а в дверь.

– Элиарта! – донёсся снаружи голос Финна. – Открывай. У нас ещё один пропавший.

Глава 1. Тень на краю леса

Я вышла к нему с ножом в руке и сном, который всё ещё лип к коже, как чужое прикосновение.

Финн стоял на пороге, мокрый от тумана, злой и сонный. Волосы, как всегда, торчали в разные стороны, на скулах темнели следы бессонной ночи. Он окинул меня быстрым взглядом – рубаха перекошена, босые ноги, лицо, должно быть, блее обычного – и нахмурился.

– Что случилось? – спросил он уже тише.

– Ничего, – соврала я.

– Значит, что-то серьёзное.

Он не стал давить. За это я ценила его больше, чем за меткость, упрямство и готовность ввязаться в драку на моей стороне. Финн знал: если я молчу сразу после сна, значит, слова ещё слишком острые.

– Кто пропал? – спросила я, натягивая ремень на талию.

– Дочка пекаря. Девятнадцать лет. Ушла затемно за водой к дальнему колодцу и не вернулась. Коромысло нашли у тропы.

Я коротко кивнула.

За последние два месяца Темнолесье брало людей без крика и без следа. Сначала все думали, что это волки. Потом – работорговцы. Потом – чья-то месть. Теперь уже никто не пытался назвать беду словом попроще. Когда лес начинает

жрать живых, названия мало помогают.

Я зашнуровала сапоги, схватила лук, сумку с травами и вышла за Финном в сырой предрассветный холод.

Тихая Поляна только просыпалась. Дым поднимался над крышами тонкими нитями. У колодца тихо плакал пекарь, обхватив руками пустое ведро, а его жена смотрела в чашу так неподвижно, будто уже видела там дочь мёртвой. Люди расступались передо мной без слов. Не из уважения. Из отчаянной надежды.

Я была удобной для чужой веры. Полукровка. Охотница. Девочка, которая слышит лес.

Как ошибка я тоже была удобна – но уже для других.

– Где нашли коромысло? – спросила я.

Староста Гэвин показал дрожащей рукой на тропу за последним домом.

– Там. Ни крови, ни следов борьбы. Будто её выпил воздух.

Финн тихо выругался.

Я присела у тропы. Мокрая земля хранила обычные утренние следы: сапоги, козьи копыта, детские пятки. А под ними – почти неуловимую рябь, от которой ломило зубы. Магия. Старая и грязная, словно её тащили через десятки чужих рук.

Я коснулась пальцами глины и закрыла глаза.

Темнолесье не говорило словами. Оно говорило весом тишины. Направлением ветра. Резким исчезновением птиц.

Сегодня оно дышало так, как дышит зверь перед броском.

Север.

И ещё – огонь.

Я резко открыла глаза.

– Она жива, – сказала я, поднимаясь. – Пока жива.

Матери этого оказалось достаточно, чтобы заплакать в голос.

Мы с Финном пошли по следу одни. Так было безопаснее. Люди, которые не слышат леса, ломают его рисунок. А сегодня мне нужен был каждый шорох.

– Ты опять что-то чувствуешь? – спросил Финн, когда деревня скрылась за спиной.

– Да.

– Лес?

– И его тоже.

Он покосился на меня.

– Сон?

Я сжала губы.

– Откуда ты...

– У тебя лицо такое, будто ты либо целовалась с бедой, либо собираешься убить её голыми руками.

Я всё-таки рассмеялась, коротко и сипло.

– Возможно, и то и другое.

Финн шагал чуть впереди, привычно беря на себя ветви и корни. В детстве он был мелким воришкой из Нижних Кварталов. Лес его не вырастил – только спрятал. Но выживать он

умел так же упрямо, как другие дышат. Торин говорил, что некоторые люди рождаются не с сердцем, а с зазубренным крюком внутри. Хватаются за жизнь и не выпускают. Финн был из таких.

Старый Торин был из тех, кто учит молча. Он подобрал меня после смерти матери, дал крышу, нож и главное правило: если те, у кого много власти, вдруг вспоминают о тебе, значит, им либо нужен твой дар, либо твоя кровь. Иногда и то и другое сразу.

Вчера вечером я вспомнила это правило слишком ясно.

След увёл нас к северной кромке леса, туда, где деревья росли теснее, а мох становился почти чёрным. Здесь даже воздух был другим – гуще, холоднее. Финн поднял руку, останавливая меня.

На земле лежало ведро. Медное. Смятое так, будто его сжал огромный кулак.

Рядом – две бусины от женской косы и полоска ткани.

– Проклятье, – выдохнул он.

Я присела. На ткани остался след копоты, хотя вокруг не было ничего обгоревшего.

– Смотри, – сказала я.

Между корнями тянулась тёмная борозда. Не след волочения. Не кровь. Пепел.

Я провела по нему пальцем и тут же отдернула руку. Пепел оказался ледяным.

– Это не обычный огонь, – тихо сказала я.

– Ты это говорила в прошлый раз. И в тот тоже.

– Потому что этот огонь всё увереннее приходит за людьми.

Мы двинулись дальше. Чем глубже – тем тише становилось вокруг. Ни птиц. Ни белок. Даже ветер словно обходил это место стороной.

Потом лес кончился.

Не весь. Только для нас двоих – узким кругом, где земля оказалась голой, серой, будто здесь много лет ничего не росло. В центре стоял старый камень, расколотый надвое. Из трещины в нём сочился слабый фиолетовый свет.

Тот самый.

Из моего сна.

На миг я не смогла вдохнуть.

– Элиарта.

Голос Финна донёсся словно издалека.

Я шагнула ближе к камню, сама не понимая, зачем. Свет под его коркой дрожал, как живой. Изнутри доносился тот же звук, который снился мне ночью, – глухой, костяной звон.

И рядом я вдруг ощутила её.

Не девушку.

Не тело.

Страх.

Он висел здесь так густо, что его можно было пить.

– Она была здесь, – сказала я. – И не только она.

– Сколько?

– Много.

Финн выругался уже вслух.

Я не успела ответить. За спиной хрустнула ветка.

Мы обернулись одновременно. На границе круга стоял олень. Вернее, когда-то это был олень. Теперь его глаза светились мутным лиловым светом, а из пасти тянулся пар, как в мороз.

Олень дёрнулся и кинулся на нас.

Финн выстрелил первым. Стрела вошла зверю в шею, но тот даже не замедлился. Я ушла в сторону в последний миг, полоснула ножом по морде, и мне в лицо ударил запах не крови, а пепла и гнили.

– В глаз! – крикнула я.

Вторая стрела вошла точно в правую глазницу. Олень рухнул почти у моих ног, забился и затих. Из раны вытекала не кровь, а тёмная вязкая слизь, в которой мерцали лиловые искры.

Финн подошёл ближе, тяжело дыша.

– Мне это не нравится.

– Мне тоже.

Я смотрела не на зверя, а на тени между деревьями. Казалось, из чащи за нами наблюдают. Терпеливо. С интересом. Как будто круг с камнем был не ловушкой.

А дверью.

– Возвращаемся, – сказала я.

– Это на тебя не похоже.

– Именно поэтому и возвращаемся.

Когда мы вышли к деревне, солнце уже поднялось. И вместе с солнцем пришёл город.

У моей хижины ждал посланник Совета.

Он стоял слишком прямо для человека, привыкшего говорить с равными. Чёрный плащ лежал на плечах так безупречно, будто его расправляли слуги. Белые волосы были стянуты на затылке, на пальцах поблёскивало серебро.

Он посмотрел на меня с тем холодным любопытством, с каким в богатых домах смотрят на редких ядовитых насекомых.

– Элиарта, дочь Лоренда? – спросил он.

– Просто Элиарта.

– Совет Семи Корон требует твоего присутствия. На расвете. У Врат Серебряного Города.

Финн фыркнул так выразительно, что посланник едва заметно поморщился.

– Требует? – переспросила я. – И что будет, если я решу, что у меня есть другие дела?

– Тогда Совет пришлёт тех, кто умеет объяснять приказы убедительнее, чем я.

– Очаровательно.

Он извлёк из рукава тонкую пластину с печатью и протянул её мне. Я не взяла.

– Зачем я им?

– Это не входило в поручение.

– А я не люблю выполнять приказы вслепую.

– Тогда, возможно, тебе не стоит заставлять Совет ждать.

Он развернулся и ушёл, даже не кивнув старосте.

Я смотрела ему вслед и чувствовала, как под рёбрами медленно разворачивается то самое знание, которого не хотелось касаться.

Белый Город наконец вспомнил обо мне.

– Ты не пойдёшь туда одна, – сказал Финн.

– Я ещё не согласилась.

– Согласилась. Лицом. Очень неприятно, но согласилась.

Я устало провела ладонью по волосам.

– В лесу что-то просыпается. И это связано с городом. Я чувствую.

– Тогда тем более не пойдёшь одна.

Я снова увидела круг с фиолетовым камнем – уже в памяти. На лиловый свет. На мёртвого зверя. На тот голос во сне, который предупреждал меня о белом городе.

– Если это ловушка, – сказала я, – то очень старая.

– Самые мерзкие обычно такие и есть.

Ночью я сидела на крыльце и крутила в пальцах серебряный перстень на шнурке.

Три года назад я нашла раненого чужака на границе леса. Чёрные глаза. Незнакомая броня. Клеймо на ключице. Он бредил, но ничего не просил. Я выходила его вопреки здравому смыслу, а он ушёл до рассвета, оставив мне только этот перстень и привычку думать о нём в самые неподходящие

моменты.

Сегодня ночью я думала о нём слишком охотно.

Лес за огородом молчал. Потом в темноте что-то шевельнулось.

Я поднялась, сжимая нож.

– Кто там?

Ответа не было. Только треск ветки и запах дождя, стали и ночного дыма.

Тот самый.

Я шагнула с крыльца, сердце ударило один раз слишком сильно, но тьма уже сомкнулась. За деревьями никого не было.

И всё же я знала: он приходил.

На рассвете мы с Финном ушли в Серебряный Город.

Дорога заняла два дня и одну бессонную ночь. Белые стены показались ещё до полудня третьего дня – холодные, сияющие, невозможные на фоне серого неба. Город был красив мёртвой красотой вещи, которую слишком долго полировали чужими руками.

– Ненавижу это место, – пробормотал Финн.

– Я даже не успела войти и уже тоже.

У Врат нас ждали. Слишком быстро. Слишком спокойно. Значит, Совет не просто звал меня – Совет готовился.

Когда мы ступили на белую мостовую, память ударила так резко, что я сбилась с шага: женская ладонь, пахнущая мятой и полынью; кусты роз у стены; крик; чьи-то руки, выдё-

гивающие меня из детской постели.

– Элиарта? – окликнул Финн.

– Всё в порядке.

Я солгала.

Город узнал меня раньше, чем я захотела узнать его.

Глава 2. Белый Город, чёрная кровь

Здание Совета стояло посреди площади так, будто его вырезали из куска зимы.

Семь колонн. Семь корон над аркой. Лозунг на белом камне: «Единство в крови. Сила в порядке».

Я всегда думала, что у приличной лжи должен быть хотя бы хороший ритм.

Внутри пахло ладаном, холодным мрамором и властью, которую слишком давно никто не оспаривал. Нас вели длинными коридорами, где даже шаги звучали виновато. Финн шёл рядом, лениво озираясь, будто выбирал, что сжечь первым, если всё пойдёт плохо.

– Не люблю места, где так чисто, – пробормотал он.

– Здесь просто умеют быстро отмывать кровь.

В круглом зале Совета было прохладнее, чем снаружи.

Семь кресел стояли полукругом. Семь лиц смотрели на меня с разной степенью неприязни. На третьем кресле сидел мой отец.

Лоренд почти не изменился. Те же светлые волосы, те же правильные черты, тот же спокойный взгляд человека, который привык считать свою жестокость разновидностью порядка. Он посмотрел на меня так, словно между нами нико-

гда не было женщины, которую он бросил, и ребёнка, которого вычеркнул.

– Элиарта, – сказал он.

– Советник, – ответила я.

Тишина в зале качнулась, как натянутый канат. Никто из них не любил, когда забытые возвращаются без поклона.

В центре сидел Келедор – Верховная Корона. Издали он казался красивым. Вблизи – слишком гладким, слишком пустым, как нож, который часто моют. По правую руку от него – Ириэль, зелёные глаза и тонкие пальцы, похожие на когти цапли. По левую – старик со шрамом через щёку, о котором я смутно помнила по рассказам о зачистках в Нижних Кварталах.

– За последние недели, – начала Ириэль, – в Темнолесье и Нижнем Городе исчезли двадцать семь человек. Наши поисковые группы не вернулись. Следы ведут в лес.

– А теперь вам понадобилась я, – сказала я.

– Нам нужен тот, кто умеет слышать лес, – поправил Келедор.

– И тот, кого удобно послать вперёд, если из чащи вылезет что-нибудь неприятное, – добавил Финн.

Все взгляды в зале одновременно обратились к нему.

Финн ухмыльнулся. Он никогда не умел бояться правильно.

– Твой спутник слишком смел, – заметил Келедор.

– Мой спутник слишком живой, – ответила я. – У живых

иногда бывает дурная привычка говорить правду вслух.

Отец наклонился вперёд.

– Ты пойдёшь в лес с городским отрядом. Найдёшь источник угрозы. Уничтожишь его. Вернёшься с доказательствами.

– А если источник угрозы находится не в лесу? – спросила я.

Старик со шрамом резко поднял голову. Ириэль едва заметно напряглась. Только Келедор улыбнулся медленно, почти ласково.

– Ты на что-то намекаешь?

– Лес боится проснувшегося, – сказала я. – И ещё сильнее – того, кто его разбудил.

Лоренд сжал подлокотник так, что побелели костяшки.

– Осторожнее, полукровка, – процедил старик.

– Осторожность – роскошь тех, кто не опаздывает, – ответила я. – А вы уже опоздали.

Келедор поднял руку, обрывая спор.

– Ты получишь карту, людей, припасы и право действовать от имени Совета на время этой миссии. Всё найденное будет передано Совету.

– Нет, – сказала я.

В его глазах мелькнуло первое настоящее раздражение.

– Повтори.

– Всё, что я найду, сначала будет принадлежать пропавшим и их семьям. А потом – моей памяти. И только потом,

возможно, вашему архиву.

Финн тихо хмыкнул. Ириэль прикрыла глаза так, словно у неё заболела голова. Отец смотрел на меня без выражения, но я знала этот взгляд: так он когда-то, наверное, смотрел на неудобные бумаги перед тем, как отправить их в огонь.

– Ты всё ещё не понимаешь, как мало у тебя выбора, – сказал Келедор.

– Это вы всё ещё не понимаете, – ответила я, – что я пришла не за вашим выбором.

Меня вывели из зала прежде чем разговор окончательно стал бы преступлением.

В коридоре уже ждал капитан городской стражи – высокий рыжий эльф с упрямым подбородком, веснушками и взглядом человека, который слишком часто видел, как приказ и совесть расходятся в разные стороны.

– Капитан Риорк, – представился он. – Меня приставили к вам в качестве эскорта, свидетеля и вероятной жертвы обстоятельств.

– Честное знакомство, – сказала я.

– Ценю время. Его обычно мало у людей, которых Совет внезапно начинает ценить.

Финн одобрительно фыркнул.

– Ты хотя бы умеешь говорить без кадильного дыма, – заметил он.

– А ты, видимо, без угроз, – ответил Риорк.

– Только если меня хорошо попросить.

Я почти улыбнулась. Почти.

Нас проводили в гостевые покои – слишком роскошные, чтобы не быть клеткой. За дверью поставили стражу. Внутри всё было белым, гладким и чужим. Я подошла к окну, глядя во двор, и вдруг почувствовала, как под рубахой нагревается перстень.

Тот самый, оставленный мне три года назад.

Я сжала его в ладони.

– Ты жив? – очень тихо спросила я пустоту.

Стук в окно был почти бесшумным.

Я резко обернулась.

На карнизе стояла высокая тень.

В тёмном плаще. Неподвижная. Я не видела лица, но узнала его раньше, чем он заговорил.

– Не открывай никому дверь этой ночью, – сказал знакомый низкий голос. – И не верь тому, что тебе предложит Совет.

Я шагнула к окну слишком быстро.

– Кто ты такой?

Тень уже скользнула вниз, во внутренний двор, бесшумно, как хищник.

Финн оказался рядом мгновенно.

– Кто это был?

Я смотрела в пустоту, где ещё секунду назад стоял человек из моего сна.

– Человек, которого я однажды не должна была спасти,

– сказала я.

Позднее, когда Финн задремал в кресле, а дворец сделался тихим, я всё равно не могла уснуть. Казалось, под мраморным полом кто-то скребётся. Казалось, сам город лежит на чём-то живом и голодном.

И где-то совсем рядом был он.

Не память.

Не сон.

Не ошибка.

Живой.

Кайран

В Ордене Вечного Пламени детей не воспитывали.

Их затачивали.

Учили терпеть боль без звука, читать приказы быстрее молитв и не путать жалость со слабостью. Кайран вырос не сыном Келедора, а оружием в его руках – удачно выкованным и послушным. Если отец и произносил его имя, то так, как кузнец называет любимый клинок: без тепла, но с точным знанием цены.

Три года назад Кайран получил приказ найти полукровку, в чьих жилах смешались кровь Корон и кровь низов, и убить её до зимнего солнцестояния.

Он нашёл её.

И не смог.

Теперь он стоял в тени внутреннего двора и смотрел на

окно, за которым гас свет. Элиарта изменилась. Стала жёстче, тоньше, опаснее. Её красота больше не просила мира – только места, где можно выжить с открытыми глазами.

В зале Совета Келедор смотрел на неё слишком внимательно. Лоренд – слишком долго. А это означало одно: времени осталось меньше, чем Кайран надеялся.

Ритуал перенесли на ночь затмения.

Четыре дня.

Если он снова опоздает, Элиарта умрёт.

Если он скажет ей правду сразу, она, возможно, попытается убить его сама.

Он почти счёл это справедливым.

Где-то под дворцом шевельнулась печать. Клеймо на его ключице вспыхнуло болью. Значит, Орден уже начал подготовку.

Кайран оттолкнулся от стены и растворился в темноте.

Завтра он пойдёт в лес вместе с ней.

Даже если ради этого придётся предать отца окончательно.

Глава 3. Пепел на мостовой

После разговора с Советом меня должны были накормить, успокоить и со вкусом запереть до рассвета.

Серебряный Город любил приличный вид у грязных вещей.

Но сидеть смиренно в комнате, где стены пахли чужой властью, я не собиралась. Финн – тем более.

– Если они велели ждать до утра, – сказал он, пока мы спускались по служебной лестнице, – значит, ночью будут делать что-то такое, что приличным гостям лучше не видеть.

– Или что-то такое, после чего удобнее будет сказать, что я ничего не заметила.

– Ты неисправимо подозрительна.

– Меня так воспитывали.

Внизу, у кухонь, пахло бульоном, дрожжевым тестом и усталостью. Слуги скользили вдоль стен, не поднимая глаз. Белый Город любил делать вид, будто его поддерживают сами колонны и молитвы, а не руки, которые моют полы и выносят помои.

У боковой арки нас остановили двое молодых стражников.

– Приказ Совета, – сказал один, стараясь звучать старше.

– Гостям запрещено покидать крыло до рассвета.

– Тогда считай, что мы уже нарушили его до ужина, – от-

ветила я.

Финн лениво покрутил нож между пальцами. Не угрожая. Просто напоминая, что приказ и возможность его исполнить – разные вещи.

– Мы ненадолго, – сказал он. – Пройдёмся, вдохнём воздуха, вернёмся. А вы сохраните лица и зубы.

Стражник сглотнул.

– Нас за это накажут.

– Вас и так накажут, если вы служите тем, кто прячет пропавших, – сказала я. – Разница только в сроках.

Они переглянулись и всё-таки отступили.

Это было первым честным решением, которое я увидела в этом городе.

Мы спустились ниже – туда, где белый камень быстро пачкался жизнью. Сначала изменился запах: копоть, жареная рыба, сырость канав, дешёвое пиво. Потом – голоса. Не приглушённые, как наверху, а живые, хриплые, настоящие. Потом – стены, с которых облезала штукатурка, и люди, которые не считали нужным кланяться хорошей крови.

Нижний Город встретил нас недоверием, короткими взглядами и усталой злостью тех, кто давно понял цену порядка наверху.

– Тебя здесь помнят, – заметила я, когда седой торговец сунул Финну горячую лепёшку и не взял денег.

– Я однажды сломал человеку с нужными связями руку за соль с песком, – отозвался Финн. – Такое улучшает репута-

цию.

У прачечной на Рыбной лестнице нас окликнула женщина с жёсткими руками и седыми волосами, перевязанными тряпкой.

– Финн, – сказала она. – Ты живой или просто задолжал смерти ещё одну неделю?

– Сегодня живой, Мара. Завтра видно будет.

Её взгляд прошёлся по мне с головы до ног без всякой почтительности.

– А это и есть лесная дочь советника.

– Это и есть женщина, которой не стоит повторять это дважды, – ответил Финн.

Мара хмыкнула и посторонилась.

– Заходите. У меня тепло, чай и плохое мнение о Совете.

Внутри прачечной было жарко и сыро. Над головами висело бельё, в углу спал ребёнок, уткнувшись лицом в сложенную простыню. Мара налила нам чёрный чай и сразу сказала:

– Говорите, зачем пришли. Но без красивой лжи. Здесь её слышно слишком хорошо.

Я рассказала столько, сколько было нужно: о пропавших, о следах в лесу, о том, что Совет позвал меня слишком поздно. И о том, что беда тянется и из чащи, и из города.

Мара слушала молча, а потом кивнула.

– У нас тоже пропадали, – сказала она. – Девчонка из ткацкого ряда. Старик-счётчик с зернового двора. Двое мальчишек с причала. Люди решили: сбежали, спились, утонули. А

я видела телеги.

– Какие телеги? – сразу спросил Финн.

– Закрытые. Без гербов. Но кони дворцовые. И сопровождение не городское. Храмовое. Только без колокольчиков и песен.

Под кожей у меня что-то холодно щёлкнуло.

– Орден, – тихо сказала я.

– Мне всё равно, как вы их называете, – отрезала Мара. – Я знаю только, что после полуночи они ездят туда, где бедных уже некому пересчитать.

Финн коротко выругался.

– И никто не поднял шум?

Мара посмотрела на него так устало, что ему самому стало неловко.

– Шум не кормит детей, мальчик. Здесь у каждого по комнате, по два голодных рта за спиной и по три способа умереть до зимы. Люди надеются, что беда выберет соседа. Так легче дожить до утра.

Я сняла с шеи перстень на шнурке и положила на стол. Чёрный камень блеснул в свете лампы.

– Мне нужны имена, места и время, – сказала я. – Всё, что ты помнишь. А взамен я обещаю только одно: в этот раз никто не спрячет следы так чисто, как раньше.

Мара посмотрела сначала на перстень, потом на меня.

– Ты похожа на мать, – сказала она неожиданно.

Я замерла.

– Ты её знала?

– Видела трижды. Первый раз – когда она покупала по-лынь и очень старалась не держаться за живот. Второй – когда искала повитуху и врала всем, что муж погиб на переправе. Третий – когда уже едва стояла на ногах. Тогда с ней был старый Торин.

У меня в горле встал горячий ком.

– Она боялась не за себя, – продолжила Мара. – За тебя. Говорила, если девочка родится здесь, город будет жрать её по кускам, прежде чем она научится звать на помощь. В лесу, мол, хотя бы зверь честный.

Я опустила глаза в чашку.

– Она была права.

– Может, – сказала Мара. – Но ещё она сказала, что однажды ты всё равно вернёшься. Такую кровь не отпускают без войны.

Я не успела ответить.

Финн вернулся от двери с тремя клочками бумаги и деревянной меткой, на которой был выжжен странный круг.

– Восточные склады, старый водосброс и моленный дом на Розовой аллее, – сказал он. – Все нити исчезновений тянутся туда. А это я нашёл у склада.

Я взяла метку и едва не выронила. Дерево было тёплым, будто лежало возле огня. От него пахло смолой и старым пеплом.

Клеймо Ордена.

В ту же секунду в дверь постучали трижды.

Медленно. Уверенно.

Мара без лишних слов спрятала ребёнка за ширму. Финн вытащил нож. Я встала.

– Не открывай резко, – прозвучал знакомый низкий голос.

– Если бы пришёл не я, у вас уже горела бы крыша.

Сердце ударило слишком сильно.

Я распахнула дверь.

Кайран вошёл быстро и бесшумно, как тень, от которой поздно отшатываться. Без плаща, мокрый от дождя, с кровью на рукаве. На лице – выражение человека, у которого времени меньше, чем правды. Во сне он был теплом и шёпотом. Наяву – натянутой сталью.

Финн шагнул между нами первым.

– Ещё один дворцовый призрак, – сказал он. – Какой щедрый вечер.

Кайран даже не посмотрел на него.

Он смотрел только на меня.

И этого хватило, чтобы все мои вопросы разом стали опаснее.

– За вами уже идут, – сказал он. – Келедор уже знает, что вы ушли из дворца. Через четверть часа здесь будет либо стража, либо те, кого стража боится сама.

– Ты привёл хвост? – холодно спросила я.

– Двоих стряхнул. Третьего пришлось утопить в канаве.

Но долго это их не задержит.

Мара не изменилась в лице.

– Тогда у вас десять минут, – сказала она. – И уходите через задний двор.

Я шагнула к Кайрану.

– Кто ты?

Он молчал всего секунду, но я почувствовала, как напрягся весь воздух в комнате.

– Тот, кто однажды не сделал то, за чем пришёл, – ответил он. – И теперь пытается не опоздать во второй раз.

От этих слов у меня похолодели пальцы.

– Очень удобно говорить загадками, когда тебе никто не приставил нож к горлу, – заметил Финн.

Кайран перевёл на него взгляд.

– Если бы я хотел вам зла, ты бы не успел закончить фразу.

Я встала между ними прежде, чем они успели решить, кто первым достанет клинок.

– Хватит, – сказала я. – Говори главное.

Он посмотрел на деревянную метку в моей ладони. Лицо его стало ещё жёстче.

– Они начали свозить людей ближе к архивному крылу, – сказал он. – Не для допросов. Для подготовки.

– К чему? – спросила я.

Кайран ответил не сразу – будто само слово было хуже любого признания.

– К затмению.

В прачечной стало так тихо, что было слышно, как за шир-

мой во сне вздохнул ребёнок.

– Четыре дня, – продолжил Кайран. – Потом они попытаются сорвать печать под городом. Им нужна кровь смешанной линии. Нужна ты.

Я не отвела взгляда.

– Тогда объясни наконец, откуда ты это знаешь.

Его рот дёрнулся, будто он хотел усмехнуться и разучился.

– Потому что Орден готовил меня к этому с детства, – сказал он. – А Келедор не просто глава Совета.

– Он мой отец.

Никто не произнёс ни слова.

Где-то снаружи хлопнула дверь. Потом ещё одна.

В следующую секунду я поняла: времени на вопросы у нас почти не осталось.

Глава 4. Сердце леса

Мы выступили до рассвета.

Риорк привёл пятерых стражников, всех молчаливых и слишком чистых для настоящей лесной дороги. Совет выдал нам провизию, карты и обещания, которым никто не верил. Я взяла только то, что можно было унести на себе. Финн украл ещё два ножа из оружейной, пока никто не смотрел. Я не спросила, откуда. Он не спросил, зачем. Так мы и жили.

За городской стеной стало легче дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.